ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В восприятии современного американского обывателя традиционная семья — именно модель 1950-х гг. — самого «ориентированного на семью времени» за всю американскую историю, отмеченного исключительной преданностью идее семьи и брака и крайней поляризацией гендерных ролей внутри семьи и в обществе. Эпоха бэби-бума прервала долгосрочные тенденции повышения брачного возраста, роста разводимости, снижения рождаемости и маргинализации женской и мужской сфер. Брак рассматривался как необходимая предпосылка благосостояния, социальной адаптированности и зрелости, поскольку это была единственная модель для построения семьи, ценность и цельность которой были фактически априорными. Люди исходили из того, что их жизнь обязательно станет еще лучше (атмосфера оптимизма и огромных возможностей усиливалась стабильным ростом доходов, государственными социальными программами) — и произойдет это в рамках той модели полной семьи, которая считалась оптимальной и была практически универсально принята в обществе. Как отмечал видный философ Алан Вульф, «нравственный жизненный цикл» в послевоенной Америке основывался на предположении, что «все движутся по одной и той же траектории, ведущей вверх по социальной лестнице, тесно связанной с семейным статусом».[1] Действительно, солидарность внутри общины (микрорайона), ее гармоничность, целостность обеспечивалась тем, что все соседи шли по примерно одному и тому же пути и жили по единому образцу. Так, модели воспитания детей, при всех индивидуальных особенностях

каждой семьи, были однотипными. Эти факторы становились причиной стремления соседей соответствовать друг другу, и, в свою очередь, поддерживали дух соперничества или соревнования между ними. В известном смысле можно было говорить об этнической гомогенизации среднего класса после войны, когда стирались различия между группами, исчезали национальные традиции.

Жесткое распределение гендерных ролей основывалось на простом предположении, что женщина и мужчина могли полностью реализоваться лишь в браке, который поэтому и рассматривался как самоценность, был призван служить идее партнерства и дружбы (companionship), а не только приносить удовольствие каждому из супругов. Ухаживание в его современной интерпретации — dating — окончательно оформилось в институт, и было направлено именно на заключение брака. Достигла своего апогея феминизация любви. Наличие детей реализовывало цель брака и делало его более крепким. Во многом семьи тогда оказывались более стабильными еще и из-за того, что жена была экономически зависима от мужа. При этом трудно оценить, какие семейные пары оставались вместе по обоюдному согласию, а у каких просто не было другого выбора. Конформизм, царивший в обществе, в отношении брака в частности, создавал ту атмосферу, когда его расторжение сопровождалось сложностями, возможно, превосходившими негативные последствия его сохранения. Долгое время благодаря общепризнанности «американской мечты» факт ее недостижения приравнивался к тотальной неадекватности и несостоятельности индивида. Подлинное счастье должна и могла приносить только семья — те, кто был лишен этого, оказывались изгоями. Но на самом деле, принципиальное значение имело не истинное счастье, а подчас лишь впечатление о его наличии, производимое на окружающих.

К сегодняшнему дню большинство американских исследователей склонны полагать, что именно необычность, крайность норм и установок 1950-х гг., исключительность социально-экономических (в частности, жилищных) условий, благодаря которым эта семейная модель и могла существовать, обусловили преходящий характер этого феномена и привели к тому, что кажущаяся современникам идеальная модель начала переживать достаточно глубокий кризис.

В течение 1960-х и далее, 1970–80-х гг. многие семейные ценности (разделение труда между полами, подчинение жены мужу, большое число детей в семье и др.) оказались без тех экономических механизмов, которые их поддерживали. Значительно менее важным стало понятие обязательств индивида перед обществом, в

частности, из-за обострения социально-экономического неравенства, и большинство «воздаяний», которые раньше непосредственно связывались с усердием, трудом (hard work), бережливостью, тщательным планированием, стали менее доступны. Достаток не всегда зависел непосредственно от трудолюбия и усердия индивида.

Так, в 1960-е гг. пришли в движение и общественные, и семейные нормы. Наиболее принципиальные изменения произошли во взглядах на предназначение женщины и сексуальную мораль. Маятник качнулся в сторону новой крайности — вседозволенности в отношении сексуальной сферы, отсутствия долгосрочных обязательств в личных отношениях между людьми, непрочности союзов. Молодое поколение американцев в 1960-е гг. осознало парадоксальность ситуации: было провозглашено формальное равенство мужчин и женщин. Но самоуважение женщины базировалось на том, насколько ей удавалось поддерживать отношения со всеми, с кем она была связана — детьми, мужем, родными — и заботиться о них. Социализация американок не была направлена на воспитание индивидуализма и на стремление к успеху в общественном, а значит, маскулинном его понимании, при том, что было доступно получение высшего образования. Женщине со всех точек зрения было сложно сочетать стремление к независимости, если она к ней стремилась, с выполнением традиционной роли — заботой об окружающих. Отношения между мужем и женой едва ли могли быть всегда гармоничными, учитывая то, что каждому предписывалось следовать противоположным и зачастую несовместимым установкам, причем противоречия заключались как в самих нормах, так и между провозглашенными ценностями и реальностью. Лишь после того, как представления о деловитости, настойчивости, конкурентоспособности стали применимыми и по отношению к женщинам, следующее их поколение во многом освободилось от давления прежних норм и стандартов поведения.[2]

В контексте этих и других процессов, а также новых нравственных ценностей, оказались возможными произошедшие и происходящие изменения в институте семьи и брака. В 1960-е гг. семья перестала быть универсальным воплощением традиционных установок среднего класса — конкуренции, коммерциализации жизни, индивидуализма и элитарности, поскольку на том этапе в представлении молодежи эти ценности изжили себя. И хотя контркультура не могла охватить весь средний класс, принципиально важным стало то, что были заданы новые установки. Вопреки тому, что многие американские семьи продолжали жить по старым правилам, была подорвана

идея универсальности модели и ее строгой обязательности. Независимость (друг от друга и от общественных норм), личностный рост, развитие внутреннего мира человека, как мужчины, так и женщины, — превратились в первоочередные для многих американцев понятия. Свобода человека могла быть достигнута только путем саморазвития, подчас через отказ от общепринятой морали, нарушение стандартов и стереотипов в самых различных сферах жизни. Это нашло свое выражение и в социальных движениях, в сексуальной революции, возникновении молодежной культуры. Впоследствии, в 1970-е гг., процесс отрицания общепринятых норм стал все более замыкаться на индивиде, что проявилось в большом разнообразии стилей жизни, распространении различных форм семейных и псевдосемейных отношений, экспериментировании в этой сфере.

* * *

Если в 1970-1980-е гг. принципы индивидуализма, независимости и сверхсамостоятельности — непременные атрибуты успешной реализации «американской мечты» — были призваны стать универсальными, то к 1990-м гг. произошло некоторое пресыщение ими. Люди в определенной степени обратились к новым моделям зависимости друг от друга (и от установок в обществе) или кооперации, а точнее, взаимозависимости. Ведь неограниченный индивидуализм и независимость в конечном итоге подрывают основы той формы жизни в рамках полной нуклеарной семьи, развитию и распространению которой они способствовали. Представители среднего класса продолжают скрупулезно изучать свой внутренний мир в поиске путей его совершенствования. Отсюда и распространенная практика обращения к психологам и психотерапевтам, которые призваны помочь в обретении гармонии, которая может быть достигнута за счет создания и поддержания в первую очередь семейных связей и контактов. Понятие взаимозависимости не должно противоречить идее внутреннего самосовершенствования, определяемого самим человеком. Американцы по-прежнему рьяно защищают принцип самостоятельности и самодостаточности индивида. Концепция независимости в выборе, включая и некий спектр норм, которым можно следовать, как бы приобрела свой завершенный вид и теперь подразумевает понятие взаимозависимости и взаимоподдержки. В первую очередь, это касается отношений между партнерами/супругами.

Традиционная модель взаимоотношений супругов 1950-х гг. предполагала практически безоговорочное подчинение жены мужу

и зависимость от него, а феминистские концепции в их крайнем выражении призывали к полной независимости и самостоятельности. К настоящему моменту концепция любви (в том числе и между супругами) в американской культуре характеризуется гораздо большей сбалансированностью, в первую очередь, за счет пересмотра понятий зависимости/независимости (мужчин и женщин и индивидов вообще). Новый образ любви и взаимоотношений сочетает идею стабильности и прочных связей и саморазвития, что вырастает из здоровой взаимозависимости и базируется на ней. В меньшей степени такая взаимозависимость в ее разумном проявлении применима к отношениям родителей-детей (в воспитании последних концепция независимости продолжает играть важную роль), и еще в меньшей степени — в отношениях между взрослыми детьми и их пожилыми или престарелыми родителями. Но и это меняется в сторону более тесного взаимодействия поколений. Недаром одно из последних исследований психологов на тему, как американцы представляют себе счастье, показало, что близкие, теплые отношения между людьми прочно занимают первое место, за ними идет счастливый брак и религиозная вера.[3]

Создана иллюзия, что образ жизни, в частности, семейной, перестал быть хорошим или плохим, на первый план вышла самоценность выбора индивида. По сравнению с 1950-ми гг., американцы (особенно американки) приобрели более существенную свободу в личной жизни. Одна из составляющих понятия успеха в 1990-е гг. — гармоничное сочетание элементов «личного» и «общественного». Достижение успеха происходит по избранному пути, который не должен наносить вред обществу, а в оптимальном варианте может приносить общественную пользу. Нормативность многих жизненных решений и логики построения жизни по-прежнему велика, но решения воспринимаются людьми как строго индивидуальные благодаря умелым действиям масс медиа, популярной психологии, что, в известном смысле является социальным заказом, но предполагает и возможность оспаривания норм (для того, чтобы чувствовать себя свободным).

Для подавляющей части американцев успех предполагает прочные семейные отношения. Как и во многих обществах западного мира, семейных людей в Америке на протяжение всех последних десятилетий отличает высокая степень удовлетворенности жизнью. Таким образом, большинство американцев сегодня определяют свои жизненные цели применительно к успеху в семейной жизни (который включает в себя целостность и благосостояние семьи,

достаточное количество средств для обеспечения стабильного существования ее членов, уверенности в завтрашнем дне и того, чтобы позволять себе время от времени какие-либо удовольствия и т.д.). Однако по сравнению с предыдущим поколением, понятие успеха в семейной жизни не должно обязательно приравниваться к самореализации человека: при конфликте личного и семейного «успеха» приоритет нередко отдается первому. Следовательно, произошла не замена одной модели на другую, а образовалась новая норма, включающая в себя оба элемента.

Одним из наиболее принципиальных изменений за рассмотренный нами период стало ослабление социальных ограничений в сфере семейного поведения и расширение рамок индивидуального выбора (особенно декларируемые). Общественные нормы носят менее императивный характер. В большинстве своем американцы настолько боятся давления на личность извне, что можно говорить о культуре нового индивидуализма, когда свобода от необходимости следования нормам сама превратилась в норму. Требования соответствия нормам в поведении стали менее жесткими, а разрыв между установками и действиями на самом деле, возможно, сократился. Американцы либерального направления настолько поглощены идеей всеобщей толерантности, что, кажется, не замечают того, что многие традиционные представления (понятие обязательств перед другими, значимость брака, ценность полной семьи, моногамность), пройдя цикл в своей эволюции, вновь стали нормативными, правда несколько в измененном виде, чем раньше. Мы согласны с мнением американских специалистов, считающих, что в 1990-е гг. американское общество находится в поиске разумной середины между чрезмерным, «репрессивным» морализмом и «извращенной» терпимостью.

* * *

Институционализация всех новых норм в брачных и семейных отношениях не закончена. К примеру, продолжает бытовать двойственное отношение к гражданскому браку. Возникает впечатление, что члены сегодняшних американских семей ищут наиболее приемлемой стратегии выработки ролей для себя. Неудивительно, что «безролевые роли», подразумевающие большую гибкость, стали скорее правилом, а не исключением. Моральные, нравственные ценности сами по себе превратились в прерогативу личности, а не общества: то, что является оптимальным для конкретного индиви-

да, совершенно не обязательно представляет собой некую культурно-нравственную норму. Особенно четко приемлемость личного пути видна на примере людей из академической среды, профессионалов, где большие или меньшие карьерные достижения достаточны для того, чтобы считать жизнь состоявшейся, даже если семейный аспект ее в прежнем общепринятом понимании менее удачен. Необходимо также помнить о принципиальных региональных различиях.

Размывание четких, с точки зрения традиции, установок и норм поведения индивида произошло как по отношению к жизненному (и семейному) циклу вообще, так и каждому конкретному его этапу. Значительно возросло разнообразие форм и типов отношений, в которые вступают в течение своей жизни американцы. Наиболее ярким примером этого процесса опять же можно назвать гражданский брак, в известном смысле ставший институциолизированным, но не заменившим собственно регистрацию отношений и освящение их церковью. Тем не менее, на наш взгляд, при всем многообразии установок и стереотипов, которыми руководствуются индивиды в образе жизни, браке, в семье, из них можно выделить те, которые являются превалирующими.

* * *

Тенденции 1990-х гг. скорее свидетельствуют о том, что семья как институт в целом и традиционная нуклеарная семья как одна из ее наиболее универсальных форм в истории человечества, занимают несколько иное, на первый взгляд, менее значительное, место в жизни американцев, чем в прошлом. Отчасти это является закономерным результатом кризиса семейных форм, который охватил США в 1960-1970-е и 1980-е гг. Однако снижение значимости нуклеарной семьи весьма относительно, и можно говорить о новой системе приоритетов в семейных ценностях, более адекватно отвечающим изменившимся социально-демографическим условиям.

К 1990-м гг. традиционная семья, основанная на ограничении свободы индивида, в особенности, женщин, перестала быть однозначной моделью для подражания, равно как и своеобразный антипод этому имиджу — согласно которому обязательства между независимыми индивидами должны быть лимитированы и каждый из партнеров должен быть сконцентрирован только на собственном саморазвитии. Таким образом, понятие семья определено гораздо шире и может сводиться к группе, не связанной кровным родством и браком. Наиболее распространенные представления американ-

цев о семье безусловно сдвинулись в сторону акцентирования гибких ролей партнеров и подлинной близости (амер. — intimacy), открытости в отношениях, извлечения позитивного опыта из конфликтов (что применяется многими семейными психологами и терапевтами в их практике). Эта схема инкорпорирует не только инструментальные, но и, согласно классификации Парсонса, экспрессивные ценности: «самовыражение», «внимание к окружающим и забота о них», «соучастность», «стремление ощущать себя связанным с родными». При этом открытость в общении и готовность открыть душу, подчас незнакомому человеку, совершенно не означают какие-либо последующие обязательства (в плане общения, помощи и пр.), что, кстати, отмечается самими американцами как странная особенность.

Хотя семья с мужем-кормильцем и неработающей женой более не представляет пример жизненного опыта большинства американских семей, она не была заменена какой-либо другой, столь же универсальной моделью. При всех очевидных изменениях в полоролевом поведении, прочная семья с двумя родителями остается предпочтительной формой семейных отношений. К середине 1990-х гг. маятник вновь качнулся в сторону признания того, что дети, выросшие в семье с одним родителем — независимо от того, является ли это результатом внебрачного рождения или развода — так или иначе оказываются больше подверженными риску социально-психологических проблем вплоть до девиантного поведения в будущем. В каком-то смысле прочные, любящие семьи снова стали модными, это «политически корректно», принято в обществе и, если не обязательно, то во всяком случае предпочтительно. Многие американцы, особенно молодые, вполне признают вариативность как форм семьи, так и семейных норм в США, но при этом многие считают, что семья возвращается в состояние «прочности», что сегодня можно говорить о стабильности семей и неоспоримых преимуществах этого института. Важно помнить, что появление новой нравственности, нового морального кодекса не могло возникнуть без отрицания части старых норм, с одной стороны, и вбирания некоторых из них, с другой. Среди молодежи бытует мнение, что именно за счет возвращения к «старым» нормам, но на новом уровне, может произойти «излечение» американского среднего класса от излишней приверженности материализму.

Важный элемент современной этики брачно-семейных отношений — добровольный характер как заключения, так и расторжения брачных союзов. Примером распространения новых ценностей и

конкретных моделей стало признание сексуальных отношений до брака (но не вне его), некоторое увеличение среднего возраста вступления в брак, стремление пожить в свое удовольствие, внимательность или даже чрезмерную осторожность в выборе партнера, чтобы впоследствии попытаться избежать развода и не повторить печальный опыт родителей, пробный гражданский брак до его юридического оформления. Люди невольно пытаются искать дополнительные причины для более позднего вступления в брак и стараются делать это с максимально реалистичными, но и более высокими, нежели раньше, ожиданиями от будущей совместной жизни в плане сексуальной жизни и подлинно близких, партнерских отношений между супругами. Эти перемены особенно заметны у представителей среднего класса, где социальной нормой становится предпочтительное заключение брака после определенных успехов на поприще карьеры — как для мужчин, так и для женщин — и обретение эмоциональной зрелости. Через призму последней воспринимается и любовь, не однажды и навсегда данное свыше чувство, а сложный процесс, требующий постоянного внимания и действия в направлении его совершенствования.

В обществе сложилась целая структура ценностных ориентаций, поддерживающих современную демографическую динамику. Брак, оставаясь одной из важнейших норм, перестал обязательно быть непререкаемой вехой в жизни. Он в меньшей степени является социально значимым определителем, санкционирующим сексуальные связи (что представляет собой особенно существенные перемены для женщин) и сожительство. Соответственно брак в меньшей степени отвечает и за самоидентификацию личности. Тем не менее он продолжает оставаться воплощением социальных обязательств, помимо своей роли на пути к личностному совершенствованию. Сожительство можно назвать браком без обязательств. Итак, ослаб императив заключать брак, оставаться в браке, иметь детей, сводить интимные отношения к браку и сохранять разделение ролей по половому признаку.

Один из парадоксов сегодняшней Америки заключается в том, что человек выбирает семью в качестве своего идеала, но не желает сохранять ее, если идеал себя не оправдывает, что и объясняет во многом стабильно высокое число разводов. Иную форму приняла пожизненная связь личности с институтом семьи: индивиды стали более автономными, часто предпочитают «инвестировать» время, силы и средства в себя, а не обязательно в семейные единицы. Реализация основных целей поведения личности подчас бывает

сопряжена не с обязательствами по отношению к семье, общине, а с аспектами личного выбора, вариаций образа жизни, саморазвития и личного удовольствия.[4] Семьи в 1990-е гг. отличаются меньшей «продолжительностью жизни»: в среднем, белая американка может ожидать, что она проведет 43% своей жизни в браке (черная — 22%).[5] Вместе с тем, понятие супружеской верности остается более чем существенным компонентом как брака, так и неоформленных отношений, особенно долгосрочных.

Наряду с другими факторами рост занятости женщин вне дома привел к тому, что к 1980-1990-м гг. материнство утратило свою первостепенную важность в качестве единственной «женской карьеры». На уровне ценностных ориентаций утвердился принцип гибкого распределения гендерных ролей, как бы их взаимопроникновения, что говорит о нарастании эгалитарных тенденций. (В начале 1980-х гг. число разделяющих подобную точку зрения достигло максимального уровня.) Но сохранение ряда стереотипов о четких различиях между гендерными ролями вообще и в браке, в частности, и появление новых, более либеральных и андрогинных взглядов, делает достижение баланса между этими подходами пока достаточно сложным. Стремление к тому, чтобы интегрировать автономность и взаимозависимость, признание биологически обусловленных и, следовательно, естественных, различий между полами и равенства их возможностей, в первую очередь, социальных, являет собой одну из наиболее важных тенденций в современном американском обществе. В последнее время все более заметным становится некий откат в сторону традиционного распределения ролей на том этапе, когда в семье есть маленькие дети. В принципе роль домохозяйки несколько более приемлема и, следовательно, привлекательна, но уже в качестве личного выбора. Конечно, это возможно только благодаря экономическому процветанию страны. Если в 1980-е гг. многие женщины утверждали, что работали бы в любом случае — ради самореализации, сейчас предпочтение часто отдается тому, чтобы по возможности уделить неразделенное внимание детям.

Хотя императивность и нормативность рождения ребенка явно утратили свою силу по сравнению с 1950-ми гг., дети продолжают оставаться важной жизненной ценностью. Американцы позже заводят детей, полагая, что это представляет собой совершенно особый этап в жизни семьи. (25 лет тому назад дети составляли 1/3 населения США, сейчас их 1/4).[6] Бездетность (в том числе и добровольная) стала более приемлемой. Но желание большинства американ-

цев иметь детей не уменьшилось. Об изменении отношения к детям вообще говорит и тот факт, что тогда как ощущение счастья от собственных детей оставалось характерным для многих американцев на протяжении всего исследуемого периода, все меньшее число людей считало, что в принципе дети приносят безусловное счастье. Собственно впечатления родителей от воспитания детей и общения с ними не подверглись столь существенным изменениям, за исключением гораздо более активного участия отцов в социализации детей. В целом американцы среднего класса имеют меньшее количество детей, но больше вкладывают в каждого из них. Дети воспитываются не в духе конформизма, а под знаком независимости, индивидуального выбора[7], но и терпимости. Факт некоего противопоставления детей родителям объясняется это отчасти повышенным вниманием последних к своему собственному внутреннему миру (privacy), которую дети неминуемо нарушают. Ведь один из ярких современных парадоксов — столкновение индивидуалистических ценностей и стремления обеспечить всем якобы одинаково комфортный уровень за счет некоей допустимой общей морали. Вместе с тем американцы всячески акцентируют необходимость для родителей выражать свою любовь к детям.

Проблема индивидуализма, самодостаточности индивидов и семей имеет огромное значение в формировании социальной политики американского государства. Всеобщее признание получила точка зрения, что необходима конкретная помощь семье — разработка новых законодательств, предоставление отпусков по уходу за детьми и т.д. Особую важность в 1990-е гг. приобрела проблема интеграции пожилых и престарелых людей в жизнь общества, несколько иная трактовка значимости семейных и родственных связей. Более острыми стали противоречия, заложенные в моделях межродственного общения, в частности, в принципе оказания помощи при необходимости, несоответствие между установкой на изолированность и самостоятельность и реальным активным общением, все возрастающей важностью семейных ритуалов и праздников и некоторой формализованностью общения.[8]

Таким образом, изменилась сила воздействия семейных норм, установок и ценностей, нормативные предписания не исчезли вовсе, они стали слабее, что подразумевает возможность следовать гораздо более широкому спектру личных установок. При этом американцы до сих пор постоянно оглядываются на бытующие стереотипы в установках и ценностных ориентациях. Особенно разительными оказались перемены в 1960-1970-е гг., что же касается

последующего десятилетия, то тенденция «либерализации» продолжалась лишь в отношении гендерных или полоролевых установок. Но даже в этой сфере такой косвенный показатель как занятость матерей, имеющих детей дошкольного возраста, отмечается известным постоянством на протяжении вот уже нескольких лет.

Итак, десятилетие 1980-х гг. может быть охарактеризовано как период относительной стабильности в установках, а период 1990-х гг. — как некоторое, но на новом качественном уровне, возвращение к элементам традиционных ценностных ориентаций. Семья продолжает оставаться первоочередной ценностью в жизни американцев и вновь видится как основа для реализации американской мечты о равных возможностях и максимального использования личного потенциала. Если в 1970-е гг. утверждалось, что любая форма семьи жизнеспособна, в 1980-е гг. признавалась равная ценность семей с одним родителем, в 1990-е гг. «политически корректным» стало приветствовать прочные семьи с двумя родителями, желательно созданные в результате первого брака. Принципиальные изменения в нравственном климате страны подчас бывают трудно предсказуемыми (о чем свидетельствует период «бэби-бума» и его последствия), но можно предположить, что в США имеются предпосылки для укрепления уже существующих форм семейной жизни и создания новых, максимально приспособленных для гармоничного развития всех членов общества.

[1] Wolfe A. Whose Keeper? // Social Science and Moral Obligation. Berkeley, 1989. P.68 Цит. по Coontz, Op.cit. P.265.

[2] Metha A.T., Kinnier R.T. & E.H.McWhirter. A Pilot Study on the Regrets and Priorities of Women // Psychology of Women Quarterly. 1989. 13. PP. 167-174.

[3] Newsweek. 1993. May 24. P.57.

[4] Журналист Джо Клейн в своей статье «Чьи ценности?»с грустью отмечает, что эти «вопросы ценностей — какой выбор мы сделали в отношении наших собственных жизней, как это повлияло на наших детей, проблема щемящего чувства того, что неограниченная личная свобода и неиствующий материализм приводят ... к одиноким раздумьям по ночам — стали навязчивой идеей американцев на протяжении некоторого периода, источником глубокой, вызывающей раздражение национальной тревоги». Проблема личной свободы не сходит с уст как либералов, так и консерваторов. Ее поднимают новые правые, фундаменталисты и пр. вплоть до малочисленных движений по типу коммунитариев (communitarians), горячих приверженцев модели полной семьи, балансирующих ценностей, не-

обходимости жить в прочной общине и общих стандартов в индивидуалистическом обществе. Кстати, американский индивидуализм еще в XIX в. раздражал знаменитого де Токвиля тем, что он подрывает ценности общественной жизни и тем самым разрушает все ценности. (Klein J. Whose Values. // Newsweek. 1993. June 6.)

[5] Hartman H. Changes in Women's Economic and Family Roles in Post-World War II U.S. // Women, Households and Economy. Отв. ред. Beneria L. & C.Simpson. 1987. P.37.

[6] Popenoe D. The Family Transformed // Family Affairs. Sum/Fall 1989. Vol.12. No.l2-3.

[7] Последнее проявляется даже в бесчисленных вариантах написания одного и того же имени, чем так увлекаются американцы — главное, чтобы ребенок чем-то выделялся...

[8] Ежегодно проходит около двухсот тысяч семейных сборов, по крайней мере 8 миллионов американцев посетили подобные мероприятия в 1996 г. O'Neill M. Cousin Cuisine // NYT Magazine, Aug.30, 1998. P.53.